

*Е. Р. Пономарев***ПАРАДИГМЫ ЭМИГРАНТСКОГО БЫТА. КРУГ ОБЩЕНИЯ СЕМЬИ БУНИНЫХ И ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА ЭМИГРАЦИИ**

Теоретическая проблема, поставленная в статье, — источники изучения быта русской эмиграции. Помимо традиционных источников предлагается рассматривать круги общения эмиграции как особый вид источников. Специфика эмигрантского общения заключается в необычных пересечениях традиционных кругов общения. Эти пересечения создают особые парадигмы бытовой культуры эмиграции, которые влияют как на творчество эмигрантов — литературу, публицистику, философию, так и на политическую и общественную мысль. В качестве примера рассматриваются семья И. А. Бунина и ее широкие круги общения: Бунины и политическая жизнь эмиграции, Бунины в церковной и религиозной жизни эмиграции, Бунины и искусство эмиграции (живопись, театр, музыка). Автор приходит к выводу, что изучение кругов общения эмиграции дает богатый материал для истории повседневности и намечает перспективы дальнейших исследований в этой сфере. Библиогр. 15 назв.

*Ключевые слова:* русская эмиграция, круги общения, повседневное общение, быт эмиграции, Бунин, история России XX в.

*Е. R. Ponomarev***THE PARADIGM OF THE EMIGRANT LIFE. SOCIAL CIRCLE OF THE IVAN BUNIN FAMILY AND DAILY CULTURE OF RUSSIAN EMIGRATION**

The theoretical problem to be solved in the article is finding out the untraditional sources for investigations in the sphere of daily life of Russian emigration. The point is that the specific emigrant social circles (the term «communication circles» is suggested) could be understood as the important source of information. The traditional social circles have many unusual intersections under the conditions of emigrant life. These intersections created the paradigms of emigrant daily culture, which influenced the emigrants creative activity (literature, philosophy, essays) as well as their political and social ideas. The author takes the family of the famous emigrant writer Ivan Bunin as an example. The wide communication circles of the Bunins (the Bunins and the political life of emigration, the Bunins and the religious life of emigration, the Bunins and the art of emigration: painting, theatre, music) give us a lot of new information. The author's conclusion is that observation of Russian emigrant «communication circles» is very perspective for the daily life studies; some further investigations are outlined. Refs15.

*Keywords:* Russian emigration, social circus, daily life, life in emigration, Ivan Bunin, history of Russia of the XXth century.

Повседневная культура русской эмиграции — проблема, которая пока только начинает раскрываться перед нами. Сами эмигранты не считали важным культурным актом частные встречи в дружеском кругу. Например, И. А. и В. Н. Бунины на протяжении многих лет не просто часто виделись с И. И. и А. О. Фондаминскими, но и совместно проживали на юге Франции, были близкими друзьями, однако содержание их общения почти не описано и мало документировано, притом что хорошо известно: И. И. Фондаминский был для Бунина не только издателем, а А. О. Фондаминская — не только меценатом, они были духовно близкими людьми. Беседы на случайные темы, например разговоры И. А. Бунина с посещавшим

---

*Пonomarev Евгений Рудольфович* — доктор филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 2; [eponomarev@mail.ru](mailto:eponomarev@mail.ru)

*Ponomarev Evgeny R.* — Doctor of Philology, Associate Professor, St. Petersburg State University of Culture, 2 Dvortsovaaya emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; [eponomarev@mail.ru](mailto:eponomarev@mail.ru)

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

его Ф. Ф. Степуном, часто вращались вокруг двух культурных сфер дореволюционной Москвы — условно говоря, символистской и горьковско-бунинской, выходя на уровень культурологических обобщений — к истокам русской революции, проблеме «Достоевский и Толстой», древним основам национальной культуры. Все эти темы лишь намечены в их переписке и чуть подробнее — в дневниках В. Н. Бунинной. Тем более это относится к общению, посвященному решению бытовых проблем (например, продлению нансеновских паспортов, разного рода благотворительным проектам — от распространения билетов на вечера писателей и артистов до устройства того или иного знакомого в эмигрантский старческий дом; даже подготовка балов и больших эмигрантских собраний почти никак не документирована). Это было их бытом, а быт никогда не воспринимается как нечто значимое и достойное фиксации. В категорию быта попадали даже собрания кружков, не таких важных, как «Зеленая лампа» Мережковских или вечера у Фондаминского: не обо всех собраниях сообщали газеты, не обо всех было широко известно. Например, собрания «Соленого кружка», организованного Г. Е. Озерецковским и просуществовавшего не одно десятилетие, мы представляем себе плохо, знаем основных членов (благодаря главным образом Л. Ф. Зурову и его биографам, а также Валентину Андрееву, младшему сыну знаменитого писателя), но как проходили собрания, что именно и в какой форме обсуждали — сведения об этом крайне скудны.

Традиционные источники изучения культуры повседневности (периодика, воспоминания — устные и письменные, различного рода деловые бумаги из личных архивов и архивов общественных организаций, переписка), если говорить об эмигрантской культуре, во-первых, плохо сохранились, во-вторых, не имеют живой культурной традиции. Тех, кто может вспомнить эмигрантские балы 1930-х годов, почти не осталось. Письменные воспоминания о новогодних балах укладываются в несколько слов, никакой финансовой документации, естественно, не сохранилось. В сознании сегодняшнего исследователя отсутствуют даже общие представления о том, как обычно организуется и проводится бал. В этих условиях мы вынуждены искать иные источники информации, реконструируя жизнь эмиграции по косвенным данным. Таким косвенным источником (источником второго уровня) могут стать круги общения, в некоторых случаях очерчиваемые довольно четко. Так, монархические, эсеровские, меньшевистские круги будут мало пересекаться между собой. Но это касается эмигрантов-политиков и политических публицистов. Эмигранты-поэты и эмигранты-писатели (особенно самые известные) часто с равным успехом сотрудничают и в демократических, и в монархических изданиях (многие представители литературной эмиграции печатались одновременно и в «Последних новостях», и в «Возрождении», и в «Современных записках»). Церковные круги общения предлагают иное разделение эмиграции — тут, главным образом, играет роль несогласие антонианцев и евлогианцев (самостоятельной Зарубежной церкви и зарубежной церкви, подчиненной Константинопольскому патриархату). Однако взаимодействие этих двух церковных кругов — не исключение. Благотворительные организации эмиграции были и светскими, и конфессиональными, работа их строилась по-разному, но взаимодействовали они на уровне повседневного общения (начиная с того, что многие люди, занимавшиеся благотворительной работой, входили в несколько благотворительных организаций). Наконец, большая часть простых эмигрантов формировала личный круг общения, не обращая внимания

на высокие материи, — из тех, кто был хорошо знаком еще в России, и тех, кто проживал рядом.

В качестве примера остановимся на семье И. А. Бунина — крупнейшего писателя эмиграции; человека, не ангажированного ни с политической точки зрения (он с равным успехом печатался как в эсеровских, так в кадетских и монархических изданиях), ни с культурной (не принадлежал ни к одной из тенденциозных литературных или философских группировок) точки зрения. Его круг общения и его повседневное общение могут стать репрезентативными для литературной эмиграции в целом.

Во-первых, оказавшись в Париже, Бунин меняет стратегию общественного поведения. До эмиграции в России он почти никогда не выступал как публицист (известно лишь одно по-настоящему прогремевшее выступление Бунина — на юбилее газеты «Русские ведомости» осенью 1913 г., в котором он ополчился против декадентской литературы) и никогда — как политический публицист. Уже в мае 1920 г. Бунин читает в Париже некую лекцию о русской революции [Лекция И. А. Бунина 1920]. В дальнейшем он будет время от времени выступать с политической публицистикой, кульминацией станет статья «Миссия русской эмиграции», прочитанная на одноименном вечере 16 февраля 1924 г. Политический резонанс этой речи и этого вечера был велик, полемика продолжалась очень долго; отвечая на нападки «Последних ведомостей» и некоторых других газет, участники первого выступления провели второй вечер с тем же названием 5 апреля 1924 г. [подробнее см.: Бакунцев 2014]. Эта новая стратегия поведения связана, по-видимому, с тем, что довелось пережить Бунину (и практически всем эмигрантам) в годы Гражданской войны: личный тон «Окаянных дней» говорит сам за себя<sup>1</sup>. С другой стороны, следует учитывать общую политизацию эмигрантской общественности. Бунин выступал в этот вечер вместе с Д. С. Мережковским и И. С. Шмелевым, известным филологом Н. К. Кульманом, крупным церковным и общественным деятелем А. В. Карташевым, а также молодым общественным деятелем И. Я. Савичем. Из всей группы ораторов только Мережковский и Карташев в доэмигрантский период имели отношение к сфере политики. При этом именно выступление Бунина — возможно, за счет стилистической отточенности, без которой идейный пафос может показаться безвкусным<sup>2</sup>, — становится едва ли не центральным событием вечера. Так Бунин входит в новый для себя круг общения.

Собственно, с самого начала эмиграции Бунин сближается с Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус, с которыми никогда до этого не имел никаких дел. Они возглавляли лагерь его стилистических противников — декадентов, символистов. Теперь политические и общекультурные соображения берут верх над стилистическими.

<sup>1</sup> Собственно, официальное обращение Бунина к политике произошло в Одессе в 1919 г., когда он начал сотрудничать с Отделом пропаганды Особого совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами Юга России в качестве редактора отдела культуры газеты «Южное слово» [Удостоверение... 1919а]. Оформляя в 1919 г. в Одессе заграничный паспорт, Бунин получил от Отдела пропаганды удостоверение, что ему поручена работа в Париже для отдела культуры газеты «Южное слово» [Удостоверение 1919в].

<sup>2</sup> См., например, мнение В. Н. Буниной о статьях Д. С. Мережковского 1921 г.: «Прочла статьи Мережковского. Очень риторичны. Ловко написано. Но почему-то не верится, что у него “снята кожа”. Слишком много остроумия, метких слов без крови, а это трогает только лишь ум, оставляя спокойным сердце» [Бунина 1921].

Весной 1921 г. он пишет в дневнике о впечатлении, которое произвел на него роман Мережковского, посвященный декабристам: «Вчера до 2-х дочитал “14 дек<абря>”. Взволновался, изменилось отношение к таланту Мережковского, хотя, думаю, это не он, а тема такая» [Бунин 1921]. Летом 1921 г. Мережковские и Бунины уже совместно отдыхают в Германии, начинают дружить семьями, вместе гуляют вечерами, разговаривают и о политике, и о литературе. Они вместе проводят встречи с западными писателями и интеллектуалами, а также европейскими общественными и политическими деятелями, готовыми помочь беженцам и России в случае ее восстановления. Впрочем, уже в дневнике 1922 г. Бунин пишет о Мережковском более раздраженно, спрашивая себя, не завидует ли Мережковский его литературным успехам. Политическая активность русских писателей с годами будет уменьшаться (к концу 1924 г. СССР признает большинство европейских государств, это сведет к минимуму роль эмиграции в политической жизни Европы), но контакты Буниных с Мережковскими сохранятся (например, Бунины время от времени посещали «воскресенья» на квартире Мережковских) и прервутся лишь с началом Второй мировой войны.

Теми же причинами объясняются знакомства Бунина и его жены с другими топ-фигурами из среды эмигрантов-политиков: послом России во Франции, а затем главой Эмигрантского комитета и Офиса по делам русских беженцев при МИДе Франции В. А. Маклаковым и его семьей, включая его племянника, политического публициста Ю. Н. Маклакова (В. Н. Бунина неофициально именует Маклакова-старшего политическим лидером русской эмиграции); бывшим министром-председателем Временного правительства А. Ф. Керенским, в этом знакомстве сыграло свою роль и издательское дело — Бунин печатался в газете Керенского «Дни»; уже упоминавшимся А. В. Карташевым, последним обер-прокурором Святейшего Синода и министром исповеданий во Временном правительстве и др. В знакомствах с видными политиками, прежде всего деятелями кадетской партии, могли сыграть роль и московские связи В. Н. Буниной, урожденной Муромцевой, племянницы председателя первой Государственной думы С. А. Муромцева. Например, дружба Буниных с семьей депутата второй Думы Г. А. Алексинского, крупного политического деятеля эмиграции, — продолжение старого московского знакомства.

Особый сюжет представляет близкое общение Буниных с Б. В. Савинковым в 1920 г. Познакомились они на одном из обычных эмигрантских вечеров. Сближению способствовало и то, что жена Савинкова Евгения Ивановна (урожденная Зильберберг — сестра казненного террориста Л. И. Зильберберга) встречалась с В. Н. Муромцевой в студенческих кружках Москвы; дамы решили возобновить знакомство 14-летней давности. Некоторое время в бунинском кругу идут разговоры, можно ли доверять Савинкову — все-таки он убийца, аморальный человек, провокатор, кое-кто намекает на его странную роль во время так называемого Корниловского мятежа. С другой стороны, он один из немногих, кто продолжает сражаться с большевиками (в Польше, вместе с Пилсудским). Наконец, проведя вечер у Савинковых дома, Бунины очень заинтересовались этим человеком. Вера Николаевна записывает в дневнике: «Савин<ков> производит впечатление очень умного, тонкого, смелого человека с большой долей скептицизма. Вечер у них был один из самых интересных в Париже» [Бунин 1920]. До отъезда Савинкова в Польшу Бунин проводит с ним много времени, разговаривая о русском мужике и методах

борьбы с большевиками. Темы русской деревни, ее звериной дикости и темноты, которые Бунин развивал в своем творчестве начиная с 1910 г., оказались очень близки мироощущению главного русского террориста. Можно предполагать, что и Бунина сильно интересовал террорист номер один — как уникальный человеческий тип (во многом описанный в рассказе «Петлистые уши»). Кроме того, разговоры о том, можно ли доверять Савинкову, имеют и политический подтекст: литературная эмиграция в этот период ищет реальные политические силы, на которые можно опереться в антибольшевистской борьбе. Показательно, что уже через год Бунин в дневнике выразит свое недоверие Савинкову. Изменения взглядов и убеждений в зависимости от политической ситуации Бунин не допускал даже в политике: «Савинков в “Свободе” [газета «За свободу!», которую Савинков издавал в Варшаве. — Е. П.] все распинается, что он республиканец. А далеко не демократически говорил он, когда мы сидели с ним по вечерам прошлой весной, перед его отъездом в Польшу!»; «А насчет “мужика” совсем другое говорил он мне прошлым летом! “Пора Михрютку в ежовые рукавицы взять!”» [Бунин 1921].

Непосредственные контакты писателей с политическими кругами эмиграции характерны не только для Бунина. Писатель и политик в эмиграции объединены одним социальным институтом — «толстым журналом» (или, что в данном случае то же, ежедневной газетой, печатающей художественные произведения или имеющих литературные приложения). Толстый журнал — традиционный литературный институт, писателю он привычен, а вот политик попадает в эмиграции в толстый журнал, поскольку только так получает выход к широкой общественности. Вместе с тем в отличие от журналов дореволюционной и революционной России эмигрантские журналы, как правило, придерживаются четкой политической платформы, ориентируясь на доэмигрантские политические партии. **Эмигрантский быт, таким образом, политизирует литературный процесс и, напротив, беллетризует политический бомонд.** При этом стратегии поведения литератора и политика смешиваются.

Дальнейший творческий путь Бунина во многом предопределен политизированной стратегией поведения. Присуждение писателю Нобелевской премии по литературе (возможно, так и не состоявшееся бы без политического резонанса бунинских выступлений 1920-х годов) в 1933 г. будет воспринято как праздник всего русского зарубежья; с этого момента Бунин становится первым писателем и символом эмиграции. О нем пишут все эмигрантские газеты и журналы от Харбина до Сан-Франциско. А В. Н. Бунина заносит в дневник: «Я очень счастлива за Яна [так В. Н. Бунина называла мужа. — Е. П.], считаю, что он заслужил славу, увенчание. Рада за нашу эмиграцию, что наконец, хоть раз, хоть в чем-нибудь Бог сделал так, что победа осталась за нами, за белыми» [Бунина 1933]. Переговоры о возвращении писателей-эмигрантов на родину по окончании Второй мировой войны, которые вели сотрудники советского посольства в Париже, приобретают особую значимость в случае Бунина — это писатель-символ. Поэтому визит Бунина в советское посольство в 1946 г., который он сам рассматривал как сугубо частный (интересно же посмотреть, как там у них, а заодно узнать, не готовы ли они платить за издания в СССР), в восприятии многих деятелей эмиграции, как правило, столь же политизированных литераторов — редакции «Русской мысли», М. С. Цетлиной, Б. К. Заичева, С. П. Мельгунова и многих других, тоже оказывается политическим жестом.

Последовавший в 1947 г. демонстративный выход Буниных из Союза русских писателей и журналистов в Париже (вызванный исключением из Союза лиц, взявших советские паспорта, в то время как коллаборанты в Союзе оставались) вновь был прочитан в этой системе значений. Бунину отказывают в праве на автономный, частный поступок, в то время как он сам требует человеческой честности от политика-террориста Савинкова.

Второй важный момент, существенно меняющий атмосферу и содержание общения в бунинском кругу, — это религия. Церковное общение для эмигрантов, живущих далеко от центров рассеяния, часто становится едва ли не единственной возможностью русского общения. Замечено, что в эмиграции церковь начинают посещать даже совсем не религиозные люди. В Париже ситуация иная, но и тут церковная жизнь оказывает существенное влияние на жизнь светскую. Ряд философов и публицистов эмиграции принимает священство; их новый круг общения так или иначе пересекается с бунинским. Например, С. Н. Булгаков (принявший священство еще в России) непосредственно с Буниными не общался, но его жизнь и творчество обсуждались в семье Буниных с участием многочисленных общих знакомых (Ф. А. Степун, И. И. Фондаминский, Лев Шестов). В. Н. Бунина изредка бывала на лекциях Булгакова и разговаривала с ним как старая московская знакомая. Другой пример — мать Мария (Е. Ю. Кузьмина-Караваева). Не исключено, что Бунины встречали ее в литературных кругах до эмиграции. Однако подлинная духовная близость между нею и Буниными возникла лишь в 1930-е годы. Дмитрий Алексеевич Шаховской, по признанию Бунина, — прототип Мити в «Митиной любви» [Пономарев, Дэвис 2014а, с. 181–182], в будущем архиепископ Сан-Францисский Иоанн, посещал Бунина и до того, как стал священником, и после. Вероятнее всего, большей частью это было светское литературное общение, о. Иоанн был поэтом, писавшим на религиозные темы, внимательно следил за развитием литературы, после Второй мировой войны вел литературную программу на радио, но общение с церковным иерархом никогда не может быть до конца светским. Литературовед К. И. Зайцев, автор первой серьезной книги о творчестве Бунина, принял монашество после Второй мировой войны. Зайцев (после пострига о. Константин) жил в США, но его общение с Буниным не прерывалось. Крупными деятелями церкви становились близкие родственники друзей и знакомых Буниных, так церковная проблематика входила в бунинский круг. Сын филолога Н. К. Кульмана Владимир в 1930 г. постригся в монахи, получив имя Мефодий (в будущем станет епископом). Надо думать, что с этого момента общение Буниных с Кульманами так или иначе протекало и под знаком церковной практики их сына. Из младшего поколения иерархов зарубежной церкви с семьей Буниных был связан граф Б. А. Бобринской, женившийся на баронессе Е. Ю. Дистерло — лучшей подруге Ольги Жировой, заменившей Буниным дочь. Борис Бобринской был рукоположен в священники только в 1959 г., но уже в 1950-е годы преподавал в Свято-Сергиевском православном богословском институте и собирался стать священником. С семьей Бунина он познакомился в 1956 г., после смерти писателя, однако с Верой Николаевной семья Бобринских была связана тесно.

Однако невозможно понять широту церковного общения семьи Буниных, не учитывая глубокую религиозность жены писателя. В конце 1920-х годов после тяжелой операции В. Н. Бунина стала соблюдать все церковные обряды, ходить

в церковь и размышлять на религиозные темы — вернувшись к вере, как она говорила, забытой в ранней юности. Глубокое религиозное чувство на несколько десятилетий связало ее со многими церковными деятелями русского Парижа, от матери Марии до владыки Сильвестра (И. А. Харуна), который был ее духовником, от о. Василия (Зеньковского) до о. Александра (Шмемана). В. Н. Бунина бывала в разных парижских православных храмах (хотя наиболее часто — в маленькой церкви на рю Люрмель), в каждом из которых у нее были, как она выражалась, «приятельницы по церкви». Кроме того, Бунина посещала церковные кружки, в которых миряне и священники обсуждали насущные религиозные вопросы. И самое главное — Вера Николаевна участвовала в нескольких благотворительных организациях. Ее стремление помогать попавшим в беду людям, даже идейным врагам, ярко проявилось в истории с М. В. Раскольниковой, вдовой крупного большевистского деятеля Ф. Ф. Раскольникова (Ильина), оставшейся после смерти мужа во Франции в абсолютном одиночестве и с младенцем на руках. В. Н. Бунина вместе с И. И. Фондаминским помогли ей и материально, и в плане человеческого общения [Пономарев 2010].

Разговоры на религиозные темы постоянно звучали вокруг Бунина. Дневники В. Н. Буниной, записки и письма живших в доме Буниных литераторов (Л. Ф. Зуров, Г. Н. Кузнецова, А. В. Бахрах) свидетельствуют о том, что вопросы веры стали важной частью повседневной жизни. Обращение к христианству И. И. Фондаминского (погиб в Освенциме в 1942 г., в 2004 г. канонизирован Синодом Константинопольского патриархата) проходило практически на глазах Бунина. Значительно усилившееся в эмиграции религиозное звучание прозы Бунина, вероятно, связано с этим влиянием. Литература, отчасти повторяя парадигмы древнерусской литературы, становится институтом полуцерковным, а сам «художественный акт» (по выражению И. А. Ильина [Ильин 1996, с. 197]) — в определенном смысле актом веры. **Эмигрантский быт, таким образом, клерикализует литературу, но и сама церковь эмиграции активно занимается литературной публицистикой.** Повседневное общение накладывает существенный отпечаток на литературное творчество.

Писательство и религиозное делание в русской литературной традиции воспринимаются как тесно связанные между собой вещи — по крайней мере, начиная с Н. В. Гоголя. Философия русского символизма актуализирует эти представления в XX столетии. Однако связь между писателями и церковными ценностями в эмиграции обретает иное значение: писатели берут на себя роль летописцев, сохраняющих для вечности образы дореволюционной России. Религиозный флер практически всех эмигрантских литературных сюжетов связан с этой установкой, как и с тяжелой психологической травмой — трагической невозможностью возвращения в дореволюционную Россию. «Житийные биографии» русских писателей, художников, композиторов (биографии, выстроенные согласно житийному канону), ставшие одним из главных жанров эмигрантской литературы конца 1920-х — 1930-х годов, очень показательны в этом отношении. В параллель этому эмигрантская литература создает новые жития древнерусских святых, а также картины святой Руси, взятые из недавнего, дореволюционного прошлого [Пономарев 2004]. Бунин отдает дань этой традиции в «Освобождении Толстого», отчасти в «Жизни Арсеньева». Но, тем не менее, ощущает ее ущербность и «лубочность» (его любимое оценочное слово) в произведениях главных эмигрантских писателей:

Б. К. Зайцева, И. С. Шмелева и др. Те же мысли выражает Тэффи (близкий друг семьи Буниных) в письме Бунину 1948 г.: «Очень у нас холодно и скучно. Боюсь, что приобрету дурную привычку заглядывать в церковь. Свечечки теплятся, батюшка молится, пахнет Шмелевым и Зайцевым» [Переписка Тэффи... 2002, с. 558].

Книга Бунина «Темные аллеи», писавшаяся в конце 1930-х и в 1940-е годы, — попытка сдернуть с эмигрантской литературы религиозный флер, связать тему русского прошлого с эротической и приключенческой литературой. Выход за пределы парадигмы вызывает шквал критики, обрушившийся на «Темные аллеи» в парижской русскоязычной периодике. Выступающие в защиту книги пытаются вписать ее в парадигмы, близкие церковно-религиозной, — сопоставлением с «Пиром» Платона [Адамович 1993] или указанием на языческо-инстинктивную природу бунинского творчества [Ильин, с. 241 и сл.]. Интересно, что, создавая книгу о природе литературного творчества, И. А. Ильин поставил выше «первобытного» Бунина «языческого» Ремизова и подлинно христианского Шмелева: литературное творчество в восприятии Ильина целиком зависит от тех религиозных представлений, которые выражает. При этом никто из современников не заметил, что «Темные аллеи», несмотря ни на что, сохраняют эмигрантскую парадигматику. Тема истинной любви в ряде рассказов книги обретает религиозный пафос, поддержанный рядом религиозных метафор и сравнений. Культурный код сохраняется даже там, где очевидна попытка сыграть на его демонстративном разрушении.

Третий существенный момент для повседневного общения эмиграции — это новая роль искусства. Теперь оно обслуживает прежде всего национальные интересы диаспоры. Живя в Париже, эмигрант нечасто ходит в оперу и редко посещает гастрольные спектакли. Любые, кроме русских. Выставки русского искусства, спектакли русских театров (эмигрантских и особенно приехавших из СССР), концерты русских солистов и артистов, кино, снятое русскими режиссерами-эмигрантами, или привезенная за границу продукция советских киностудий вызывают исключительный интерес эмигрантской публики. Артисты и литераторы, взаимодействуя исключительно на национальной почве, достигают того самого «синкретизма искусства», что был описан академиком А. Н. Веселовским в конце XIX в. и с переменным успехом внедрялся в жизнь символистами.

Семья Буниных в этом отношении не самая типическая. Дружеские отношения со всей большой семьей С. В. Рахманинова или семьей Ф. И. Шаляпина, включая многих его детей, — это наследие бурной доэмигрантской жизни. И Рахманинов, и Шаляпин — участники московского литературно-художественного кружка «Среда», в котором Бунин был одной из самых главных фигур. Однако менее яркие и менее близкие отношения, связавшие Буниных с театральной или музыкальной средой русского Парижа, могут считаться репрезентативными. Например, многие годы Бунины дружили с одной из самых ярких актрис эмиграции — Е. Н. Рождиной-Инсаровой, родной сестрой знаменитой советской актрисы В. Н. Пашенной. Рождина-Инсарова выступала на многих авторских вечерах Бунина, читала на менее частых вечерах Л. Ф. Зурова; в свою очередь, Бунины посещали ее концерты и выступления. Актеры столь же зависимы от языковых границ, как и писатели. Этим, наверное, объясняются близкие контакты знаменитых писателей и звезд русской сцены, оказавшихся в эмиграции.



Если Бунины шли в театр, то шли они на русские пьесы — либо на представления труппы Питовых, игравшей как по-русски, так и по-французски и ставшей весьма заметным явлением и во французской культуре (смотрят большей частью русские пьесы, прежде всего Чехова), либо на гастроли МХАТ, которые время от времени проходят в Париже. Советский МХАТ для них — продолжение того самого чеховского МХТ, который был главным театром их молодости и с которым они чувствуют чуть не родственную связь. С К. С. Станиславским Бунин был хорошо знаком; зафиксирован устный рассказ о том, что Станиславский однажды предлагал Бунину роль Гамлета во мхатовском спектакле. С рядом артистов Пражской труппы МХТ Бунины связывали дружеские чувства: своим человеком в их доме была Е. Н. Кедрова, часто выступавшая и на бунинских вечерах, они были знакомы с А. Н. Богдановым, А. Д. Телегиным, А. А. Вырубовым и другими.

Что касается кино, то Бунин был страстным зрителем и смотрел практически все, что предлагал в те годы французский кинематограф. Однако некоторые русские фильмы — снятые на русский сюжет русскими режиссерами — вызывают особенный интерес в семье Буниных. Например, в 1936 г. в домашних разговорах и переписке обсуждается только что вышедший немецкий кинофильм «Стенька Разин. Волга-Волга», поставленный Вальтером Янссеном (Walter Janssen) и Александром Волковым. В 1954 г. В. Н. Бунина и Л. Ф. Зуров (Бунина уже не было в живых) отправились смотреть фильм М. И. Ромма «Адмирал Ушаков», снятый в СССР. Советский фильм о событиях русской истории им очень понравился, а картины Черного моря вызвали у В. Н. Буниной ностальгические воспоминания. Эти во многом случайные примеры говорят о главном: в театральном и киноискусстве Бунины, как и большинство эмигрантов, — консерваторы и ретрограды. Они ориентированы на корни национальной культуры: исторические фильмы, классические пьесы (к которым относят и драмы Чехова).

Таковы и предпочтения эмиграции в сфере изобразительного искусства. В. Н. Бунина знакома с Н. Н. Кандинской, большая дружба связывает Буниных с Н. С. Гончаровой и М. Ф. Ларионовым, своим человеком у них был С. И. Шаршун. Однако абстрактная живопись во всех своих разновидностях Буниных не трогает. Намного ближе им творчество П. А. Нилуса — одного из ближайших друзей семьи, с которым Бунины жили в одном доме в Париже. Вдова художника Б. С. Нилус пережила В. Н. Бунину; до последних дней вдовы писателя они были самыми близкими подругами. Нилус-пейзажист и Нилус-портретист, а также автор жанровых сцен прежде всего из прежней русской жизни и некоторых исторических картин значительно ближе ностальгирующему вкусу эмиграции, чем знаменитая на весь мир русская абстрактная живопись. Еще одна практически всеобщая любовь эмиграции — это иконы и религиозное искусство. Здесь круг искусства пересекается с церковным кругом общения. Среди знакомых Буниным художников (преимущественно их знакомил с ними Л. Ф. Зуров, но не всегда: например, с семьей А. А. Бенуа Бунины познакомились сами) было несколько художников-иконописцев.

Итак, **литература и искусство, всегда тесно связанные, в эмигрантском быту становятся еще ближе.** Эмиграция — в силу ориентации на родину и прошлое — связана с традиционным искусством. Искусство тянется к литературному нарративу, поскольку стремится быть сюжетным, рассказывать о родине и ее истории. Литература, в свою очередь, ценит искусство либо как набор артефактов,

свидетельствующих о сакральном, либо как серию иллюстраций, правдиво «отражающих» прежнюю жизнь. Музыка трудно найти себя в этой системе координат, поэтому музыка эмиграции либо становится религиозной (творчество А. Т. Гречанинова, духовная музыка С. В. Рахманинова), либо превращается в программную с ориентацией на фольклор (опера Гречанинова «Добрыня Никитич», «Русский хоровод» Н. К. Метнера), либо развивает прежние идеи, в случае первой русской эмиграции — неоромантические (творчество Рахманинова и Метнера). Показательно, что Л. Ф. Зуров дружит с В. И. Полем (директором Русской консерватории в Париже — собственной, национальной!), не обращая внимания ни на С. С. Прокофьева, ни на И. Ф. Стравинского. Когда Бунины слушают музыку Рахманинова (иногда непосредственно в рахманиновском имении Сенар в Швейцарии, гостя у хозяев), они тоже ценят в ней прежде всего традиционность.

На этом, пожалуй, можно остановиться. Поверхностно рассмотрев три круга общения в жизни одной (пусть не самой обычной) эмигрантской семьи, мы можем констатировать, что сам круг общения становится важным источником для изучения повседневной культуры эмиграции. Круги общения дают нам исключительную возможность наблюдать смену культурных и политических ориентиров в сознании эмигранта, движение его эстетических приоритетов, складывание и развитие специфических парадигм эмигрантской культуры. Подробно изучая круг знакомств того или иного представителя культуры эмиграции, мы часто делаем удивительные открытия, поскольку некоторые знакомства, связи, дружба кажутся нам невероятными. Близкое общение Бунина и Савинкова, дружба В. Н. Буниной со вдовой Ф. Ф. Раскольниковой (с которым и Бунин несколько раз встречался после его бегства от Сталина, даже принимал Раскольникову у себя дома), человеческая и творческая дружба Буниных и Тэффи на первый взгляд совершенно удивительны (и, наверное, если бы не Гражданская война и эмиграция, они и не были бы возможны). Пристально вглядываясь в эти контакты, мы часто делаем выводы культурологического свойства: перед нами открываются те стороны души человека, которые не видны при обычном освещении. Эти стороны неожиданно проступают и в творчестве, и в других сферах жизни изучаемой личности. Некоторые же из обнаруженных непривычных черт могут привести нас к широким культурологическим обобщениям, характеризующим закономерности эмигрантского быта.

Настоящая статья лишь ставит вопросы и намечает проблемы изучения. Исследование кругов общения русских эмигрантов может идти разными путями, и формы их описания могут быть совершенно разными. Автор настоящей статьи и британский исследователь Р. Дэвис, изучая одно из белых пятен биографии И. А. Бунина — историю его отношений с Г. Н. Кузнецовой, предложили описание круга общения семьи Буниных в виде биографического словаря, в котором сделан акцент на отношении той или иной личности к Бунину и Буниным [Пономарев, Дэвис 2014в]. Можно использовать и более традиционные формы — статьи и монографии. Интересно было бы соединить несколько разнородных, на первый взгляд, кругов общения в рамках одного исследования. Перспективы такого научного подхода многообещающи.

## Источники и литература

Адамович Г. В. По поводу «Темных аллея» // Адамович Г. В. Одиночество и свобода. Литературно-критические статьи. СПб.: Logos, 1993. С. 64–66.

Бакунцев А. В. Речь И. А. Бунина «Миссия русской эмиграции» в общественном сознании эпохи (по материалам эмигрантской и советской периодики 1920-х гг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2013. М.: Русский путь, 2014. С. 268–337.

Бунин И. А. Дневник. 1921 год // Русский архив в Лидсе. MS. 1066/518.

Бунина В. Н. Дневник. 1920 год // Русский архив в Лидсе. MS. 1067/367.

Бунина В. Н. Дневник. 1921 год // Русский архив в Лидсе. MS. 1067/371.

Бунина В. Н. Дневник. 1933 год // Русский архив в Лидсе. MS. 1067/408.

Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин — Ремизов — Шмелев // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. Кн. 1. М.: Русская книга, 1996. С. 183–406.

Лекция И. А. Бунина // Последние новости. 1920. 14 мая. № 15. С. 3.

Переписка Тэффи с И. А. и В. Н. Буниными. 1948–1952/публ. Р. Дэвиса и Э. Хейбер; вступ. статья Э. Хейбер // Диаспора. Новые материалы. Вып. III. Париж; С.-Петербург: Athenaeum; Феникс, 2002. С. 536–626.

Пономарев Е. Р. Россия, растворенная в вечности. Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 84–111.

Пономарев Е. Р. Нет ни красных, ни белых... М. В. Раскольников и В. Н. Бунина // И. А. Бунин. Новые материалы. Вып. II. М.: Русский путь, 2010. С. 463–478.

Пономарев Е. Р., Дэвис Р. Комментарий // «Когда переписываются близкие люди...». Письма И. А. Бунина, В. Н. Буниной, Л. Ф. Зурова к Г. Н. Кузнецовой и М. А. Степун / сост., подг. текста, науч. аппарат Е. Р. Пономарева и Р. Дэвиса; сопроводительные статьи Е. Р. Пономарева. М.: Русский путь, 2014а. С. 25–566 (И. А. Бунин. Новые материалы. Вып. 3).

Пономарев Е. Р., Дэвис Р. Круг общения семьи Буниных. Материалы к Бунинской энциклопедии // «Когда переписываются близкие люди...». Письма И. А. Бунина, В. Н. Буниной, Л. Ф. Зурова к Г. Н. Кузнецовой и М. А. Степун / сост., подг. текста, науч. аппарат Е. Р. Пономарева и Р. Дэвиса; сопроводительные статьи Е. Р. Пономарева. М.: Русский путь, 2014б. С. 599–672 (И. А. Бунин. Новые материалы. Вып. 3).

Удостоверение, выданное Отделом пропаганды Особого совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами Юга России, в том, что И. А. Бунин является редактором отдела культуры газеты «Южное слово» [1919а] // Русский архив в Лидсе. MS. 1066/1252.

Удостоверение, выданное Отделом пропаганды Особого совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами Юга России в том, что И. А. Бунину поручена работа в Париже для отдела культуры газеты «Южное слово» [1919б] // Русский архив в Лидсе. MS. 1066/1254.

## References

Adamovich G. V. Po povodu «Temnykh allei» [On «The Dark Avenues»]. Adamovich G. V. *Odinochestvo i svoboda. Literaturno-kriticheskie stat'i* [Loneliness and freedom. The articles in literary criticism]. St. Petersburg, Logos Publ., 1993, pp. 64–66. (in Russian)

Bakuntsev A. V. Rech' I. A. Bunina «Missiia russkoi emigratsii» v obshchestvennom soznanii epokhi (po materialam emigrantskoi i sovetskoi periodiki 1920-kh gg.) [Bunin's speech «The mission of Russian emigration» in social consciousness of the epoch (emigrant and Soviet press of the 1920-es)]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia im. Aleksandra Solzhenitsyna* [The annual book of the Alexander Solzhenitsyn's House of Russian Emigration], 2013. Moscow, Russkii put' Publ., 2014, pp. 268–337. (in Russian)

Bunin I. A. Dnevnik. 1921 god [Diary. 1921]. *Russkii arkhiv v Lidse*. MS. 1066/518. (in Russian)

Bunina V. N. Dnevnik. 1920 god [Diary. 1920]. *Russkii arkhiv v Lidse* [Russian archive in Leeds]. MS. 1067/367. (in Russian)

Bunina V. N. Dnevnik. 1921 god [Diary. 1921]. *Russkii arkhiv v Lidse* [Russian archive in Leeds]. MS. 1067/371. (in Russian)

Bunina V. N. Dnevnik. 1933 god [Diary. 1933]. *Russkii arkhiv v Lidse* [Russian archive in Leeds]. MS. 1067/408. (in Russian)

Il'in I. A. O t'me i prosvetlenii. Kniga khudozhestvennoi kritiki. Bunin — Remizov — Shmelev [On darkness and light. The book of critical essays. Bunin — Remizov — Shmelev]. *Il'in I. A. Sobr. soch.: v 10 t. [Il'in I. A. Works: in 10 vol.]*, vol. 6. Kn. 1. Moscow, Russkaia kniga Publ., 1996, pp. 183–406. (in Russian)

Lektsiia I. A. Bunina [The lecture of Ivan Bunin]. *Poslednie novosti* [The Latest News], 1920, 14 maia, no. 15, pp. 3. (in Russian)

Perepiska Teffi s I. A. i V. N. Buninyimi. 1948–1952. Publ. R. Devisa i E. Kheiber; vstup. stat'ia E. Kheiber [The correspondence between Teffi and Ivan and Vera Bunin]. 1948–1952. Eds R. Davies and E. Heiber. Pre-words by E. Heiber. *Diaspora. Nove materialy* [Diaspora. New materials]. Vyp. III. Parizh — S.-Peterburg: Athenaeum; Feniks, 2002, pp. 536–626. (in Russian)

Ponomarev E. R. Rossiia, rastvorennaiia v vechnosti. Zhanr zhitiinoi biografii v literature russkoi emigratsii [Russia dissolved in eternity. The genre of agiographic biography in the literature of Russian emigration]. *Voprosy literatury* [The Problems of Literature], 2004, no. 1, pp. 84–111. (in Russian)

Ponomarev E. R. Net ni krasnykh, ni belykh...: M. V. Raskol'nikova i V. N. Bunina [No reds, no whites...: M. V. Raskol'nikova and V. N. Bunina]. *I. A. Bunin. Nove materialy* [I. A. Bunin. New materials]. Vol. II. Moscow, Russkii put' Publ., 2010, pp. 463–478. (in Russian)

Ponomarev E. R., Devis R. Kommentarii [Comments]. «Kogda perepisyvaiutsia blizkie liudi...». Pis'ma I. A. Bunina, V. N. Buninnoi, L. F. Zurova k G. N. Kuznetsovoi i M. A. Stepun [«When the relatives are writing...». The letters by Ivan Bunin, Vera Bunina, Leonid Zurov to Galina Kuznetzova and Margarita Stepun] (I. A. Bunin. *Nove materialy* [New materials]. Vol. III). Eds E. Ponomarev and R. Davies; the attached articles by E. Ponomarev. Moscow, Russkii put' Publ., 2014a, pp. 25–566. (in Russian)

Ponomarev E. R., Devis R. Krug obshcheniia sem'i Buninykh. Materialy k Buninskoi entsiklopedii [The communication circle of the Bunin's family. The materials to the Bunin encyclopedia]. «Kogda perepisyvaiutsia blizkie liudi...». Pis'ma I. A. Bunina, V. N. Buninnoi, L. F. Zurova k G. N. Kuznetsovoi i M. A. Stepun [The letters by Ivan Bunin, Vera Bunina, Leonid Zurov to Galina Kuznetzova and Margarita Stepun] (I. A. Bunin. *Nove materialy* [New materials]. Vol. III). Eds E. Ponomarev and R. Davies; the attached articles by E. Ponomarev. Moscow, Russkii put' Publ., 2014v, pp. 599–672. (in Russian)

Udostoverenie, vydannoe Otdelom propagandy Osobogo soveshchaniia pri glavnokomanduiushchem vseimi vooruzhennymi silami Iuga Rossii v tom, chto I. A. Bunin iavliaetsia redaktorom otdela kul'tury gazety «Iuzhnoe slovo» [1919a] [Official notification issued by the Propaganda Department of the Commander in Chief Office in the South of Russia, that Ivan Bunin is the editor of Culture department in the newspaper of “Yuzhnoje slovo” [1919a]]. *Russkii arkhiv v Lidse* [Russian archive in Leeds]. MS. 1066/1252. (in Russian)

Udostoverenie, vydannoe Otdelom propagandy Osobogo soveshchaniia pri glavnokomanduiushchem vseimi vooruzhennymi silami Iuga Rossii v tom, chto I. A. Buninu poruchena rabota v Parizhe dlia otdela kul'tury gazety «Iuzhnoe slovo» [1919v] [Official notification issued by the Propaganda Department of the Commander in Chief Office in the South of Russia, that Ivan Bunin works in Paris for the needs of Culture department of “Yuzhnoje slovo” [1919v]]. *Russkii arkhiv v Lidse* [Russian archive in Leeds]. MS. 1066/1254. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 22 сентября 2015 г.